

О трудовых судах.

(Отклики с мест).

Вопросу о трудовых судах в последнее время уделяется значительное внимание на страницах «Труда», и, нам кажется, не напрасно.

Сторонник «единства» суда тов. Войтинский старается доказать с помощью очень тяжелой аргументации целесообразность точки зрения Экономического Отдела ВСНХ.

Нам казалось бы более нейтральным, если бы наши профессиональные работники с мест поделились своими сведениями о нашей хотя бы и очень небольшой практике в этой области. Это дало бы, может быть, возможность подвергнуть самый проект рассмотрению и разработать немного дальше кабинеты ВСНХ.

Работа на местах требует постановки вопроса о трудовом судопроизводстве не в плоскости теоретических рассуждений, а на основах повседневной практической действительности.

А эта последняя подсказывает нам нечто иное.

Наше законодательство до сих пор дела по нарушению Кодекса Законов о Труде и невыполнению постановлений Конфликтных комиссий возлагало на Народные Суды, определяя при этом весьма краткие сроки для разбирательства этих дел (двухнедельный даже недельный).

К величайшему, надо сказать, сожалению, на местах еще, повидимому, в значительной мере за старые заслуги, конфликтные органы отделов труда пользуются авторитетом настолько, что не особенно часто приходится прибегать к помощи Народных Судов для приведения к исполнению постановлений, несмотря на довольно сильные решения (конечно, не выходящие за пределы нашей законодательности).

Действительность нам говорит, что Народные Суды на местах недостаточно сильны для того, чтобы выполнять постановления о сроках разбирательства. И мы отнюдь не склонны ставить это в вину Народным Судам, так как имеем возможность сами наблюдать, что в теперешнем наплыве дел общегосударственного и гражданского характера (подчас довольно крупных) трудовые споры невольно отходят в этом кругу к разряду менее важных дел.

Разрешение же возникающих конфликтов между работодателями и рабочими настоящей диктует именно быстроту разбирательства.

В этом отношении, по крайней мере, еще долгое время не помогут и «особые сессии», так как помимо их нужны приспособленные технические, подготовленные дела аппараты суда. Теперь же, в особенности, когда мы неизбежно пойдем в

этом отношении по пути сокращения (в связи с переводом содержания Нар. Судов на местные средства), на улучшение их расстановки не придется.

Теперь по поводу компетентности суда.

Для тов. Войтинского, который, как видно, не отрицает, что в этом отношении некоторый подбор необходим, все же вопрос решается очень просто: почему бы тем же рабочим, которые председательствуют в судах (комиссиях) Отделов Труда, не стать народными судьями?

Действительное же положение дел нам говорит: сейчас, в период зарождающихся новых хозяйственных отношений, разбирательство трудовых споров нередко требует не только знания законов, но и определенного особого такта, особого подхода. Поэтому председательствуют в значительном большинстве случаев заведующие Отделами Труда (и это неизбежно при нашей скудости работников), как наиболее ответственные и компетентные в вопросах труда.

Самой собой понятно, что при таком положении дел на них в качестве Народных Судей рассчитывать можно с гораздо меньшим успехом, чем это кажется тов. Войтинскому.

Можно было бы подтвердить фактами, что малая компетентность Народных Судов вредно отражается на работе по борьбе с правонарушениями в вопросах труда. Пред нами обращение одного из Отделов Труда (дело происходит в губ. городе), в котором, после указания на условный приговор по делу частных владельцев о провозе дуклянского сельхозпродукта, «принятые меры через высшие органы, дабы последние дали указания Народным Судам, ибо Государственный Суд на наши отношения и даже указания на постановление СНК от 27 апреля 22 г. не обращает внимания».

Вывод наш поэтому таков.

Практическая целесообразность подсказывает нам необходимость создания специальных (как это ни странно!) Трудовых Судов при Отделах Труда.

Что будет дальше, когда Народные Суды укрепятся и материально и в отношении подбора работников, об этом следует поднимать вопрос еще не так скоро. В настоящее время, принимая во внимание действительное состояние Народных Судов, следует опасаться еще и того, чтобы передачей им трудовых споров мы пошли не по пути укрепления их авторитета в глазах широких рабочих масс, а как раз по обратному.

В. СОБОЛЕВ.

Г. Екатеринбург.

Дело об убийстве т. Спиридонова.

ПРИГОВОР.

После двухчасового совещания Революционного следственного приговора по делу убийцы Спиридонова: Володина и Фирсова приговорены к 5 годам прину-

дительных работ с лишением свободы, Левин — к принудительным работам на 3 года, Хромов, Янко и Ермаков — по 1 году. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Процесс правых эс-эров.

Речь государственного обвинителя т. Крыленко.

ИТОГИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ.

С 4 часов дня до 1 часу ночи 28-го июля и весь день (дневное и вечернее заседание) 29 июля говорит тов. Н. В. Крыленко.

Отображены речи тов. Крыленко составили большой том. Шаг за шагом проходил весь путь тридцатилетнего судебного следствия, сопоставляя, анализируя и оценивая все материалы следствия, тов. Крыленко выполнял истинно творческую работу, беспримесную в истории не только уголовного, но и в истории русского суда.

Нельзя сказать, что тов. Крыленко был один решающим, или один из бесчисленных приобщенных к делу документов не микроработы критического анализа и юридической оценки в речи государственного обвинителя.

Газетный отчет, естественно, не в состоянии охватить всего содержания речи. Помещение отобранного материала в значительном сокращении «Ростов» изложил заголовок по делу. Поэтому нам приходится ограничиться перечислением основных тезисов и выводов т. Крыленко и наиболее ярких мест его речи.

Во вчерашнем номере «Труда» мы дали вводную часть речи тов. Крыленко, в которой намечаются первоначальные основные тезисы обвинительной речи, те общие черты, которые государственному обвинителю наиболее характерны для всей политики РСР.

Эти общие, проходящие через весь следственный процесс черты пятилетнего периода, черты, следующие: либерализм, фразеологизм, обман трудовых масс, преступное отступление в самые решительные моменты, малоработность за чужой спиной, платовое кумовство рук после преступлений.

Критический обзор следственного материала по периодам и пунктам дает яркую иллюстрацию этим утверждениям т. Крыленко.

ЭС-ЭРЫ И БРЕСТСКИЙ МИР.

После анализа периода «утилизации» в Петрограде, связи эс-эров с «Коммунистическим» и «Союзом Возрождения» тов. Крыленко останавливается на «Брестском эпизоде» и эс-эровско-антисоветских отношениях.

Здесь та же самая неразбериха, та же самое политическое двуличие.

8-й совет партии признал, что рождение России мыслимо только при технической и материальной помощи союзников.

Но сначала должны были свершиться болевшие и установленная твердая демократическая власть. В это же время 8-й совет партии интервенцию союзников отвергал. Техническую и материальную помощь последних он рассматривал, как договор двух держав. Но это было только теорией

на бумаге, на практике получалось совершенно другое.

Первые переговоры относятся к февралю 1918 года. Эти переговоры вел Виктор Чернов с Шарлем Дюма. Виктор Чернов спросил Дюма, поддерживал ли союзники утратившееся собрание? Вот что было у эс-эров на первом плане, а отнюдь не восстановление восточного фронта и не борьба с Германией.

Это же подтверждается в резолюции 8-го совета, в которой говорится, что Советская власть была должна уничтожена даже в том случае, если она нарушит Брестский мир и возобновит войну с Германией. А это значит, что Брестский мир отменялся эс-эрами на второй план, а на первый план выдвигалась борьба с Советской властью при помощи союзников.

Как отнеслись эс-эры к десанту? По разному. К десанту во Владивостоке они относились отрицательно, а десант в Архангельске ждали с нетерпением.

Весь ход процесса и все свидетельские показания подтверждают, что эс-эры только на бумаге выдвигали принцип: «сначала демократическая власть, а потом союзный десант». И действительности никакой принципиальной позиции у эс-эров не было. Вопрос ставился практически. Десант ждали, его хотели. Вопрос денег и простой. И от всей эс-эровской группы и на национальном повороте, о восстановлении восточного фронта, о продолжении войны с Германией — ничего не оставалось, после разбора материалов следствия.

Группа русских граждан вошла в соглашение с представителями иностранных государств в контр-революционных целях. За этим последовали события, которые стоили рабочим и крестьянам России море крови и неисчислимы бедствий.

Создается самарский фронт. Тимофеев, который говорил раньше, по его словам, о Шарлем Дюма, как журналиста и журналиста, а не как союзника, с союзником, вступает в переговоры с Эрлимом уже не в качестве частного лица, а в качестве посла самарского уряда. Он ведет переговоры только с Эрлимом, но и с чехо-словацкими офицерами, и получает «вербальную ноту» от французской миссии, которая советует такой-то состав правительства. Тимофеев считает это интереснейшей во внутреннем деле России и выражает против вербальной ноты.

Дальше следует период переговоров Тимофеева с Эрлимом, пресловутая «вербальная нота».

А за этим знаменитая военная конвенция, о которой так много говорили и с равными оговорами говорил сам судья Тимофеев. Смысл этой конвенции таков: вы, т.е. союзники, дайте нам офи-

церов, технических руководителей, взрывчатые вещества, а по словам Дюмова — деньги. А мы будем взрывать мосты, разрушать мосты, ж-д пути, разорвать народное хозяйство Советской России. Проще эту военную конвенцию можно характеризовать так:

Иностранное правительство в чуждой стране находит взаимных слуг. Оно не хочет само пачкаться в грязных делах и нанимает для этих грязных дел агентов.

— Скиньте вашу тогу, — говорит тов. Крыленко, обращаясь к Тимофееву. Вы выступали в роли наемных агентов для разрушения ж. д., взрыва мостов, разорения народного хозяйства России. Вот что практически дала наша знаменитая военная конвенция.

В связи с этим периодом тов. Крыленко характеризует тактику иностранных послов в России. Они направо и налево раздвигали различные обещания различным группировкам, и пачкались грязными делами, которые делались на эту приманку.

Эс-эры анализируют, что хотели союзники — поработения России. И тем не менее они им верили и шли к ним.

Рассмотрев подробно историю создания восточного «антигерманского» фронта, всю чехо-словацко-эс-эровскую авантюру, тов. Крыленко делает вывод:

Партия эс-эров нужию было использовать иностранную силу для восстановления своей власти, и это было сделано. Все разговоры о том, что решалась о восточном фронте, оказались, конечно, пустой болтовней. Болтали о немцах, о мадьярских авиаторах, а на деле с русскими рабочими и крестьянами под командой российских авиаторов. Вот что практически вышло на иностранной политике Тимофеева.

НА СЕВЕРЕ.

Разобравшись в материалах по «северному правительству», тов. Крыленко говорит:

— Нельзя тот, до августа 1919 года, на севере России располагался английский военный чин, и английский военный капитал гнул русское рабочее и крестьянство в дугу, забирая у него, что нужно, благодаря Лихачу, который помог им под игом красных фраз есть на шее русскому рабочему и крестьянину!

А тогда выяснилось, что английские оккупанты уходят, собрание земских и городских деятелей, в значительной части эс-эров, составляло свое знаменитое воззвание, смысл которого был таков: — мы пришли, и мы по ним честности поверили, а теперь вы нас бросаете на произвол судьбы, и мы потеряли свою жизнь, так как не все можем скрыться в приречьях земли Англии и Франции. Покажите вашу жизнь. Так писали эти, последний воды лгуны и предатели, подлинными намерениями делу рабочих и крестьян, представители РСР, защитники ве-

щего избирательного права и основ демократического самоуправления, разогнали в свое время Советы Рабочих Депутатов при помощи, а с благословения Лихача и др.

НА УКРАИНЕ.

Переходя к сложному и путанному украинскому периоду с перебежками РСР от одного правительства к другому, т. Крыленко попутно останавливается на одном факте, имеющем отношение к Бресту.

Известны молиния и громы эс-эров по поводу Брестского мира. Между тем, тот сепаратный мир, за который головоукаивалась фракция эс-эров в Раде по словам свидетеля Рафесса, означала для Украины фактическую оккупацию. Тем не менее, несмотря на то, что такой мир противоречит принципу борьбы против германского империализма, соответствующий восток был дан.

На Украине имела место немалая оккупация в виде гетманщины, в виде буржуазная реакция и виде денкишищины, алексеевщины и т. д., и в отдельные промежуточные времена имела место Советская власть.

Казалось бы, что перед руководящими элементами РСР должен был встать прежде всего вопрос о борьбе с немцами оккупацией. Но эту борьбу можно было вести путем организации движения рабочих и крестьянских масс. Эс-эры предпочли вести эту борьбу совместно с буржуазией и с Антантой, в качестве их покорного поповца и слуги.

Нам говорят все время, что в борьбе с денкишинами РСР направляла против него все свои силы и молиния вилоть до террористических актов. Нам говорят, что Всеукраинский Областной Комитет распустил в Киеве Городской Комитет РСР, который стоял на той точке зрения, что работа в Городской Управе при денкишах является вполне допустимой для членов партии. Но в деле имеется документ, который утверждает, что члены фракции РСР в городской думе, где заседали воротилы и верхи эс-эровской партии, установили также факты непосредственной связи РСР с Алексеевской армией.

На Украине, в области украинского движения, отношения с денкишинами, добровольческой армии в позиции РСР с самого начала и до конца не было принципиально выделенной политической линии. Как в вопросе национализма, так и в вопросе об отношениях с Антантой, о средствах, о связи с Алексеевской и с добровольческой армией — все это РСР была одинаково.

Что такое добровольческая армия, денкишины, что такое связь с белогвардейской офицерией, нам великодушно известно, и поскольку во всем этом призывали руку предателям ПК РСР и в частности В. Ратнер, Тимофеев и Герштейн — это представляется установленным.

Ведя партия, мнящие себя полити-

чески зрелыми людьми, которые считали, что только они могут трезво и реально учитывать действительные силы и строить политику партии, на практике были изменниками по отношению к рабочим массам и ввели пизды своей партии в трясину оппортунизма.

ЛИЦЕМЕРНОЕ ПРИМЕРЕНИЕ.

Переходя ко второму периоду, тов. Крыленко останавливается на основном моменте этого периода, на 9-м совете РСР и его резолюции об отходе от вооруженной борьбы.

Если бы 9-й совет партии прямо и категорически заявил: «Мы отказываемся от вооруженной борьбы навсегда, мы признаем все советские законы, безусловно им подчиняемся и будем их исполнять. Мы признаем советское государство и будем лишь критиковать работу Советской власти», — это был бы переход к легальной работе.

Но резолюция 9-го совета в только-только Тимофеева и Гоца говорит совершенно другое: «Мы отказываемся от вооруженной борьбы в данный момент, но отнюдь не отказываемся от борьбы вообще и будем продолжать ее, но не менее, несмотря на то, что вооруженной борьбы мы переходим к борьбе политической, конечной целью которой по-прежнему ставим свержение Советской власти».

Это, конечно, не «отказ», это только перемена тактики.

И при том под условием предоставления эсерам «свободы», вплоть до «свободного избрания в совет».

Это было в самый тяжелый для Советской республики момент, весной 1919 года, когда на нас наступала денкищина. И в этот момент к Советской власти приходит группа лиц и говорит: «Вооруженную борьбу с нами мы прекращаем, но дайте нам оружие, дайте нам свободу для политической борьбы. Мы будем бороться с вами, будем рассчитывать и без того разрушенное наше рабочее хозяйство, будем строить против вас всевозможные козни, будем мешать вам вести борьбу с вашими врагами. Мы, добитые и слепые и слезы, — справа Колячонко, а слева нами — требуем: разложите нам руки, не мешайте нам разлагать вашу армию, не мешайте нам разрушать вашу работу».

— Не оная, паша, ли бы такые люди, которые стали бы разговаривать с этой группой людей при таких условиях, — говорит тов. Крыленко.

Что это «примирение» было сплошным лицемерием, — доказывает дальнейшая работа РСР: агитация среди крестьян, создание крестьянских советов и подготовка восстаний в различных пунктах Советской России.

Целью этой деятельности т. Крыленко утверждает, что и таковая «автономия» является продуктом эс-эровской «мировой» политики.

Речь тов. Крыленко еще не закончена.

Борьба коммунизма и анархо-реформизма во Франции.

(После Сент-Этьенского конгресса).

Кризис, переживаемый рабочим движением рабочих всех стран, привил во Франции крайне своеобразные формы. Десятки лет политическое и профессиональное движение шло равными, часто празднично-сталинистическими путями. Но пришла война, единство в отречении совершилось: партия и профсоюз составили блок для спасения буржуазии и буржуазного государства. Это единство между реформистами и ультралево-синдикалистами пошло только следствием о глубокой панике обеих сторон, по и о том, что по существу анархизм и реформизм гораздо ближе друг к другу, чем это кажется на первый взгляд. Единство в служении буржуазии заставляло оппозиционные элементы профсоюзов и партии составить блок, который по мере войны носил довольно неудачное название: «Комитет по восстановлению международных связей».

Анархизм, казавшийся далеким от войны и правительства, профсоюза, как и реформизм, тот же патристический панна, причем анархическая идея смерти была еще откровеннее, нежели реформистской. Анархизм, бросающий в лицо социализму и коммунизму потопные угрозы в оппортунистическом и соглашательстве, совершенно ступил: оппозиция началась, оформилась и окрепла в рядах «политиков», которые по учебнику анархистов являются врагами рабочего класса.

Во Франции протест имеет своим исходным пунктом профсоюз, внутри которых к окончанию войны сложилась, хотя и большая, но крайне погрязшая и разнородная оппозиция. Оппозиция росла от конгресса к конгрессу, но физиономия ее оставалась неопределенной и в определенной — в политической своей части это были оппозиция чувства. Обойти вокруг был: «Долой реформистских руководителей Конференции Труда!», по т. к. есть 99 способов борьбы с реформизмом, то в тот самый день, когда по воде и по провалам реформизм провалился, раскол французского профессионального движения начался обострен борьба внутри самого кризиса за влияние на массы. В новой, ослабленной расколом Конференции Труда выливались все

эти паффа не маленькая. Но дело не столько в примыслих к ней рабочих, сколько в людях за ней, а это куда серьезнее. Не нужно забывать, что даже в золотой век французского синдикализма около половины рабочих входило в реформистские союзы (железнодорожники, горнорабочие, текстильщики, печатники и т. д.) и шли за реформистскими союзами. Реформизм есть старая болезнь французского рабочего движения, с которой нужно очень серьезно считаться. Дело идет не только о руководителях, но и о массе.

Тем не менее мы видим, что отнесенные формулы до сих пор имели верный над реальным учетом сил. Конечно, реформистская Конференция Труда не имеет теперь и десятой доли влияния, которое она имела непосредственно по окончании войны. Тогда в Конференции Труда исходили бурные потоки профсоюзных масс рабочих. Руководители Конференции были желанными гостями во всех министерских переделах и совещаниях, за ними ухаживали, их ум, тактику и патристический пол дублировали. Слабые головы Жю и К° заручились. Они не видели, что их влияние прямо пропорционально революционному настроению масс. Они думали, что их влияние есть следствие их ультралево-политики. Эти головы сделали все, чтобы сорвать, дезорганизовать и деморализовать массы. Они в этом успели. Как Стинес назвал один из своих парадоксов «Пара Легис», так и французская буржуазия их воспользовалась для оказания им услуги, и после смерти Мергея, Жю и Дюмуэна поставил им коллективный памятник: «Спасителями порядка и собственности — благодарное отечество».

Но за всем тем реформистская Конференция Труда существует, имеет влияние на массы, Унитарная Конференция Труда не может и не должна упускать из виду этого обстоятельства. В минуты революционного затишья неорганизованные рабочие побуждаются реформистскими союзами, но реформизм есть идеология рабочей отсталости.

Синтаксис ли Сент-Этьенский конгресс с этим? Рассматривая ли он методы отволакивания масс у реформистских союзов? Проблемы конкретной борьбы не волновали делегатов с'езда. Наиболее реалистическая часть с'езда и та не обращала внимания на этот вопрос, ибо большинство коммунистов и коммунистически настроенных рабочих требовало тактики единого фронта, усматривая в этой тактике компромисс и

отказ от своих революционных принципов. Характерно, что никто толком не объяснил, в чем заключается компромисс и отступление от принципов (нельзя же принять в серьез, что тактика единого рабочего фронта привнесла к левому блоку, что это означает слияние с диссидентами и пр.), но громадное большинство считало все мосты между революционными и реформистскими союзами отрезанными. Таково было настроение несомненного большинства делегатов конгресса.

Но ведь это только настроение, никакая резолюция не было принято, — скажет читатель. Настроения, особенно во Франции, играют большую роль. Жю, одно: роль реформистской Конференции Труда недооценена (она, кстати, по словам некоторых французских газет, тут же, тут же в левый блок), и это грозит нашим французским товарищам рядом серьезных сюрпризов и разочарований в их тяжелой борьбе.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ПРОСООЗЫ.

Взаимоотношения между партией и профсоюзами — старый вопрос для французского рабочего движения. Он неоднократно обсуждался на конгрессах. Традиция французского синдикализма — недоверие, подозрительность и враждебность к политической партии пролетариата. Известно, в конце XIX столетия во Франции боролись несколько политических группировок: гегемизм, жоризм, аллеманизм, брунетизм, которые имели на своей стороне ряды профсоюзов. Расширение профсоюзов по политическим группировкам мешало экономической борьбе пролетариата, и объединение профсоюзов шло под лозунгом «Долой политику». Крайне реформистский характер французского синдикализма и сектантский характер его левых крыла (гегемизм, аллеманизм) сделали из профсоюзов центр противоборства буржуазии и пролетариата против расщепления профсоюзов по партиям, пришли к борьбе против партий вообще и к такому отрицанию революционной роли политической партии, потому что она политическая. Под политический понималось простое парламентское гегемизмство и стремился к этому реформистскому критическому противопоставлению экономическому.

Исторически понятия как терминология, так и антиполитический характер профдвижения. Но горе французскому синдикализму заключаться в том, что он живет прошлым: отсюда край-

нота: политика, или синдикализм, который был написан на знамени анархистов и чистых синдикалистов в Сент-Этьене. Революция будет экономическая или она не будет пролетарской, — несколько раз повторил Бенар, желая этим подчеркнуть, что коммунисты за политическую революцию, тогда как они носители заветов за революцию экономическую. Бенар и его сторонники не подозревали даже, что эта формула бессодержательна. Она бессодержательна по тому, что не существует в природе ни одного живого коммуниста, который бы теперь, в период развала капиталистического общества думал бы о чисто политической революции, и во-вторых, потому, что и великая французская революция имела экономический характер. Спорить о характере ближайшей революции в западноевропейских странах бесполезно, первая буржуазная революция прошла, во вторую очередь стоит революция социалистическая. Кто будет руководить революцией — коммунист, синдикалист или анархист — вот к чему в последнем счете свелась дискуссия. «Партия есть партия на теле рабочего класса, она не может и не должна руководить рабочим движением. Какой это анархизм рабочего класса, где имеются в виду буржуазия, антагонизмы и другие выходы из буржуазных классов. Авантюра рабочего класса находится не вне профсоюзов, а внутри их. Пусть поэтому партия организует интеллектуально, мелкую городскую буржуазию и крестьянство, но не трогает рабочего класса, он имеет профсоюзы, которые достаточно ясны, чтобы вести его к победе над буржуазией и к организации социалистического общества». Вот вся антипартийная философия революционного синдикализма в сжатом виде. От заявления, что авангард — внутри профсоюзов, дело не на шаг не приблизилось вперед. Поскольку профсоюзы объединяют массы, то ясно, что авангард внутри, а не вне этих масс.

Но ведь нельзя сказать по военному поимать слово авангард. Авангардом класса называется та группа, которая лучше, откровеннее и яснее формулирует общественные интересы этого класса, т.е. является сознательной направляющей бессознательного исторического процесса.

Правильно поставил вопрос, но неправильно разрешил его анархист Локру. Он сказал, что анархизм является душой рабочего движения. Душа, как известно, вещь анатомическая крайне неопределимая, само понятие ду-

ша относится к области чувства, а чувства неопределимы, хаотичны и переменны, одним словом, анархичны. Неудивительно поэтому, если анархизм претендует на знание «души» рабочего движения. Мы предоставляем анархистам прибегать к таким терминам, мы же любим определенность, четкость и ясность, и поэтому мы говорим: коммунизм есть коллективный опыт, коллективная воля, коллективное сознание рабочего класса, это его мозг. Из этих двух определений становится понятным, почему мы говорим о руководстве событиями, тогда как анархисты проповедуют теорию «laissez faire, laissez passer». Основная ошибка чистых синдикалистов и анархистов — это с одной стороны, нежелание выслушать конгресс в Сент-Этьене, — в том, что они рассматривают профсоюзы, как группу естественных, приспосаблившихся к существующему, исключительную революционность. Революционные синдикалисты не потому выступают против партий, что принципы ее неправильны, а потому, что они сами предпочитают играть роль этой партии.

Борьбу в Сент-Этьене нельзя рассматривать, как столкновение партии и профсоюзов, а как столкновение разных партий, из которых некоторые (анархисты и чистые синдикалисты) построили свою партию на отрицании всякой партии. Фразеология дела не меняет. На с'езде боролись две идеологии, две тактики: коммунистическая и анархическая. Четкий анархизм здесь слезся с чистым синдикализмом. Это было тем легче, что так называемый чистый синдикализм есть чистая агитация, ибо между ним и анархизмом нет никакой существенной разницы. Это видно хотя бы из следующего момента революции Бенара: «Все революционные испанские народы, испаноязычные партиями, дают только политический эффект без значительной перемены экономического и социального порядка».

Вы думаете, что ораторы этого течения старались на примерах русской и венгерской революций доказать правоту своей точки зрения? Ничего подобного! Ни малейшей попытки изучить, реально революция опаздывает ли к революции пролетарской, а если да, то идеальную революцию, а если нет, то идеальную революцию, которая должна быть сделана, согласно схеме в планам этих великих мастеров фразы. Правда, реальная жизнь идет по другому руслу, в реальных революциях коммунистические партии играют решающую роль, для метафизи-

ков это не важно. Кроме того, в функции существует коммунистическая партия, которую вся буржуазия ненавидит черной ненавистью, партии, ведущей борьбу против буржуазии — буржуазного государства, но для нас это тоже не важно. Правда, коммунистическая партия Франции имеет еще много недостатков, в ее рядах имеются оппортунистические элементы, но вряд ли Унитарная Конференция Труда является вместилищем всех революционных недостатков, она находится на одинаковом расстоянии от идеала, как и коммунистическая партия Франции.

Далее, для каждого, у кого голова на плечах, ясно, что революционное движение, начатое без и помимо партии, будет разгромлено, как оно потерпело бы поражение, если бы оно было начато без и помимо союза. Но тот, кто думает, что из этих фактов будут сделаны логические выводы, мало знает анархо-синдикалистскую природу. Вывод сделан был как раз наоборот. Для того, чтобы обосновать революцию, утверждая, что «синдикализм представляет собой главную силу», один из ораторов сказал: Унитарная Конференция Труда имеет 360 000 членов, а партия всего 60 000. Это, как немаленькие исключения, являются членами союза. Не ясно ли, что партия (часть) должна подчиниться лозунгу (синдикализму). Здесь что ни слово, то путаница. Члены Унитарной Конференции в громадном своем большинстве просто беспартийные — это революционно чувствующие рабочие, имеющие довольно смутное представление о разных течениях внутри их организации. Сознательные меньшинства делится на коммунистов, синдикалистов-коммунистов, чистых синдикалистов и анархистов. Синдикализм и синдикалы совершенно различные вещи. Революционный синдикализм это конкурирующий с коммунистическим политический — параматериал, — политическая группировка, и революционные синдикалисты гораздо меньше в профсоюзах, чем коммунисты.

С другой стороны — 60 000 людей, объединенных единой программой, единой тактикой, стоящих по своему сознанию гораздо выше рядовых членов профсоюзов. Количественные сравнения могут только запутать положение дела. Впрочем, поскольку мы находимся в мире путаницы, такого рода рассуждения вполне естественны.

Об отношении к вопросу о диктатуре пролетариата в последнем номере А. ЛОЗОВСКИЙ.

ков это не важно. Кроме того, в функции существует коммунистическая партия, которую вся буржуазия ненавидит черной ненавистью, партии, ведущей борьбу против буржуазии — буржуазного государства, но для нас это тоже не важно. Правда, коммунистическая партия Франции имеет еще много недостатков, в ее рядах имеются оппортунистические элементы, но вряд ли Унитарная Конференция Труда является вместилищем всех революционных недостатков, она находится на одинаковом расстоянии от идеала, как и коммунистическая партия Франции.

Далее, для каждого, у кого голова на плечах, ясно, что революционное движение, начатое без и помимо партии, будет разгромлено, как оно потерпело бы поражение, если бы оно было начато без и помимо союза. Но тот, кто думает, что из этих фактов будут сделаны логические выводы, мало знает анархо-синдикалистскую природу. Вывод сделан был как раз наоборот. Для того, чтобы обосновать революцию, утверждая, что «синдикализм представляет собой главную силу», один из ораторов сказал: Унитарная Конференция Труда имеет 360 000 членов, а партия всего 60 000. Это, как немаленькие исключения, являются членами союза. Не ясно ли, что партия (часть) должна подчиниться лозунгу (синдикализму). Здесь что ни слово, то путаница. Члены Унитар

